

Уже несколько месяцев на просторах Интернета кипят нешуточные страсти вокруг личности атамана Ермака. Толчком к ним послужило намерение предпринимателя, известного мецената и книгоиздателя, председателя Президиума общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадия Григорьевича Елфимова воплотить в жизнь свой давний замысел: установить в парке «Ермаково поле», созданном им на месте пустыря, большой Поклонный крест, посвящённый Ермаку и его дружине¹.

Крест уже изготовлен (из гранита) на народные пожертвования московским скульптором Сергеем Мильченко и освящён настоятелем Тюменского казачьего храма о. Владимиром. Установку этого знака планировалось приурочить к середине августа (дате гибели Ермака), оставалось лишь получить «добро» от местной администрации, но она для решения вопроса неожиданно «взяла паузу». Оказалось, что планы А.Г. Елфимова встретили возражения со стороны представителей «сибирско-татарской общественности», которые в письмах, направляемых в соответствующие «инстанции», обвинили инициаторов намеченного мероприятия в «принижении иных национальностей» и «разжигании межнациональной розни». Эти «протестные заявления», в свою очередь, вызвали в адрес их «подписантов» контробвинения (в попытках «развалить Россию», «подорвать российскую государственность» и т.д.), и в итоге ситуация, сложившаяся вокруг Поклонного креста, стала наводить сторонних наблюдателей на мысль, что и до Сибири, похоже,

¹URL: <http://serg0711972.livejournal.com>31899764.html>; <ura.news>news/1052441121>; <rus-strategia.ru>news/2020-07-28-10205>; <pravda.ru>cociety/1513397-ermak/> и др.

докатилась «модная нынче война с памятниками»². Обе стороны в разгоревшейся полемике обращаются прежде всего к «фактам истории», и поскольку я уже много лет профессионально занимаюсь сюжетами, касающимися именно «покорения Сибири», то считаю необходимым высказать и свои соображения о предмете возникшего спора и его особенностях. Важнейшая же из них состоит в том, что при изложении и характеристике событий, связанных с походом Ермака, неверные мнения высказывают как сторонники, так и противники Поклонного креста, однако если у первых ошибки не носят принципиального характера и обусловлены главным образом скудостью и сложностью источников, с разных позиций освещающих «Сибирское взятие», то вторые демонстрируют либо полное незнание, либо абсолютное непонимание, либо крайне тенденциозную трактовку относящихся к нему фактов.

В обобщённом виде главные доводы татарских активистов таковы. Поклонный крест ставить нельзя, потому, что Ермак — «неоднозначный исторический персонаж» и «криминальная личность», «разбойник», «кровопийца», «завоеватель». Он «пришёл с войной» в Сибирь и «истребил мирное население Сибирского ханства». «Не татары пришли с войной на русских, — подчёркивается в одном из заявлений, — а Ермак пришёл с войной». И, значит, памятники «надо ставить тем, кто героически защищал свое Отечество, а не тем, кто нападал на чужое государство». И вообще недопустимо постоянно напоминать татарам, что их «завоевали»...

Из этих пассажей прежде всего видно, что их авторы начисто игнорируют (либо просто не знают) предысторию похода Ермака в Сибирь, имеют весьма смутные представления о событиях, происходивших на территории бывшего Сибирского ханства как накануне, так и после её включения в состав России, а при их оценке грубо нарушают главное, чем должен руководствоваться любой исследователь прошлого, — принципы историзма, суть которых выразил ещё Н.М. Карамзин: «Мы должны судить о героях истории по обычаям и нравам их времени».

У каждой эпохи своя мораль, своя этика, нередко сильно отличающаяся от позднейших представлений о том, что «хорошо» или «плохо», что допустимо или неприемлемо во взаимоотношениях между людьми, народами и государствами. В частности, в XVI–XVII веках сам по себе вооружённый захват «чужих» земель вовсе не считался чем-то предосудительным. Наоборот, им даже гордились, воспринимая как выражение воли «высших сил», и приобретение каких-то территорий путём их завоевания («за саблю», как говорили на Руси), если не встречало возражений со стороны других претендентов на них, то рассматривалось всеми как законное право победителя. Именно так, кстати, отреагировали на извещение Москвы о завоевании Сибирского ханства европейские державы. А германский император Рудольф в грамоте, отправленной в 1600 г. русскому царю, даже поздравил его с этой победой³.

Но даже если мы откажемся от принципов историзма и будем подходить к обстоятельствам «Сибирского взятия» с позиций современной морали и этики, то и в таком случае аргументация противников Поклонного креста выглядит совершенно несостоятельной. Напомню им, что ещё в 1555 году прибывшие в Москву послы правителя «Сибирского юрта» Едигера передали Ивану Грозному просьбу их государя о покровительстве. После долгих переговоров этот вопрос был для

²«Огонёк». 2020. № 28, с. 6.

³«Российская история». 2015. №. 3, с. 54.

них решён положительно, и в 1557 году к титулу русского царя прибавился ещё один — «всея Сибирския земли повелитель» (после чего, по представлениям той эпохи, территория Сибирского ханства уже могла на законных основаниях считаться присоединённой к Московскому государству, но мы абстрагируемся и от этой формальности). Однако в 1563 году при поддержке Бухары и ногайцев «Сибирский юрт» захватили братья Ахмад-Гирей и Кучум, при этом правившие им вассалы Москвы Едигер и его брат Бекбулат были убиты, а внешнеполитический курс их государства резко поменялся, особенно после того, как Кучум стал единоличным правителем своего ханства (в 1569 году). Первое время он ещё сохранял вассальные отношения с Москвой, но, узнав о её сожжении при очередном крымском набеге (в 1571 году), разорвал их и активизировал антирусскую политику.

Стремясь распространить своё влияние на народы не только Уральского, но и Поволжского регионов, сибирский хан в 1572 году стал подстрекать к антирусскому бунту марийцев, а в 1573 году бросил открытый вызов Москве: по его приказу был убит вместе со своей татарской свитой направлявшийся к казахскому хану Хакк-Назару царский посол Третьяк Чебуков. На уральские владения Московского государства начались регулярные вооружённые нападения со стороны Сибирского ханства, его вассалов и союзников. С 1572 по 1582 год было совершено не менее пяти опустошительных рейдов по русской территории, которые возглавляли то мансийские князья (Бегбелей, Кихек), то родичи самого Кучума (племянник Маметкул, сын Алей). Они «предавали огню и мечу» русские поселения по Чусовой, Сылве, Косье, Каме. От этих набегов в первую очередь страдали владения купцов и солепромышленников Строгановых, жаловавшихся царю, что «сибирцы» у них «лошадей, коровы отганивают и людей побивают, и промыслы у них в слободах отняли, и соли варити не дадут». Но кучумляне разоряли и другие земли русского Приуралья, осаждали даже Чердынь — главный город Пермского края, а Соликамск захватили и сожгли, вырезав почти всех жителей⁴.

Ну и как должна была реагировать на такие «эксцессы» русская сторона? Строгановы отреагировали вполне адекватно: пригласили для защиты своих владений волжских казаков во главе с Ермаком, ну а тот, понимая, что «лучшая оборона — наступление», предпринял поход в Сибирь. Всё это — к вышеупомянутым рассуждениям о том, кто на кого «пришёл с войной» и кто первым «напал на чужое государство»...

* * *

Не соответствуют фактам и оценка татарскими активистами атамана Ермака как «криминальной личности».

Во-первых, пока не найдено ни одного документально обоснованного подтверждения версии о его занятиях грабежами и разбоями (с чем согласился даже немецкий историк Дитмар Дальман — при всём его, мягко говоря, «критическом отношении» к «покорителю Сибири»⁵). Между вольным казаком и разбойником XVI века, действительно, порой трудно провести чёткую грань, но только не в случае с Ермаком. Есть, правда, сведения, что он незадолго до похода в Сибирь отогнал у ногайцев табун лошадей, но угон скота у соседей — обычное дело для обитателей степи, своеобразный «спорт»; у него и своё название есть — «баран-

⁴См.: Скрынников Р.Г. *Сибирская экспедиция Ермака*. 2-е изд. Новосибирск, 1986., с. 193–198.

⁵Дальман Д. *Сибирь. С XVI в. и до настоящего времени*. М., 2015, с. 95.

та» (или «барымта»). Вместе с тем, давно известно заслуживающее доверия сообщение о службе Ермака в царской армии на фронтах Ливонской войны.

Во-вторых, его поведение на территории Сибирского ханства совершенно не соответствует расхожим понятиям о «злодее-кровопийце», коим стремятся представить Ермака противники установки Поклонного креста. Конечно, XVI век — время суровое, и боевые действия велись казаками в соответствии с нравами и обычаями этого времени, но смею уверить, что русские при этом в жестокости вовсе не превосходили татар. Ну а сам Ермак проявил себя в ходе сибирской кампании и как выдающийся военачальник, и как человек с государственным мышлением, не раз демонстрировавший незаурядный дипломатический талант, благородство и гуманное отношение к побеждённым. Он быстро нашёл себе союзников не только среди недовольного Кучумом ханты-мансийского населения, но и среди татар, освободил от уплаты ясака впадшее в нищету племя туралинцев, принял «с честью» пленённого «царевича» Маметкула, несмотря на то, что тот погубил немало русских людей по обе стороны Уральских гор. Да и сама смерть Ермака связана с приведшим его в ловушку порывом освободить бухарских купцов, якобы задержанных Кучумом на Вагае. Заслуживает внимания и тот факт, что в XVII веке сами же татары фактически обожествили Ермака: по их преданиям, от его тайной могилы исходил только им видимый свет, и земля с неё имела целебные свойства. А в споры татар из-за обладания снятым с тела Ермака панцирем вынуждена была вмешаться царская администрация⁶. Нынешние представления сибирских татар о Ермаке — это уже продукт новейшего времени...

Так же глубоко неправы «обличители» Ермака, когда пишут, что он «покорял татар». Не сибирских татар он покорял, а Сибирское ханство. В ипостаси такого же «покорителя» за два десятка лет до того выступал и Кучум. Ведь он, в отличие от казнённых им представителей местной династии (Едигера и Бекбулата), татарин не был. Кучум был «чингисидом» (одним из потомков Чингис-хана) и воцарился на сибирском престоле благодаря иностранной поддержке, прийдя в Сибирь из Бухары. Так что и Ермак, и Кучум — оба «завоеватели», оба для сибирских татар чужаки, но разница между этими «покорителями» принципиальна. Ермак «напал» на Сибирское ханство, чтобы пресечь набеги на русские земли с его территории, подчинив её Московскому государству. Кучума же никакие набеги «сибирцев» на Бухару не беспокоили (ввиду их отсутствия), и он захватил «Сибирский юрт» лишь для того, чтобы сделать его своим владением и всемерно расширять, в том числе в западном направлении. А методы правления Кучума своим «юртом» наглядно демонстрируют картинки из Ремезовской летописи, относящиеся к «статьям» 26 и 28. На них изображена расправа «сибирского царя» над «абызами» и «волхвами», предсказавшими ему военное поражение. Особенно впечатляют изображения голых людей, привязанных за ноги или за руки к хвостам мчащихся по лугу лошадей...

Констатируя, что «Кучумово царство» не было государством татар, представим теперь перспективы их дальнейшего пребывания в его составе в случае сохранения им независимости. При самом благоприятном раскладе их ждала бы участь жителей слабого подobia хорошо известных нам Хивинского или Кокандского ханств, которые, наживаясь на работорговле и контроле за торговыми путями, даже в конце XIX века, накануне утраты независимости, являли собой редкий заповедник экономической, социальной, культурной и политической отсталости.

⁶См.: «Исторические известия». 1916. № 3–4, с. 3–28.

А Россия к тому времени стала одной из мировых держав, достигла грандиозных успехов в развитии экономики и культуры как в центре страны, так и на её окраинах. Даже ярый ненавистник России Фридрих Энгельс был вынужден признать, что она играет *прогрессивную, цивилизаторскую* роль по отношению к Востоку, особо выделив бассейны *Черного и Каспийского морей, башкир и татар*⁷.

* * *

Некоторые представители «татарской общественности» упорно настаивают на том, что жизнь сибирских татар в России была крайне тяжёлой и едва не привела к полному вымиранию этого народа⁸. Но это уже полный абсурд. На демографическую ситуацию Сибири, конечно, влияли разные факторы, в том числе крайне неблагоприятные — войны, эпидемии, неурожаи и падежи скота, «испромышление» охотничьих угодий; не прекращались и ассимиляционно-миграционные процессы. Тем не менее, численность сибирских татар при всех колебаниях неуклонно росла, и если на рубеже XVI и XVII веков она составляла примерно 15–20 тысяч человек, то в 1897 году — почти 57 тысяч, в 1939 году — около 80 тысяч, а по переписи 2010 года — 190 тысяч (всего же татар в Западной Сибири — с теми, кто переселился туда из европейской части страны, — более полумиллиона).

В конце XVI и XVII веке судьба «сбитого с куреня» Кучума не слишком печалила его бывших подданных — они, видимо, хорошо помнили, каким образом он воцарился на сибирском престоле, и после постройки за Уралом первых русских городов стали охотно пополнять их гарнизоны, присягая на верность русскому «белому царю». При некоторых из них (тобольском, тюменском, томском, тарском, красноярском) появилась особая категория ратных людей — «юртовские служилые татары». Они сохраняли мусульманскую веру и родовые земельные владения, размеры которых позволяли обеспечить безбедное существование не только своим хозяевам и их семьям, но и их многочисленным родственникам и «захребетникам». При этом рубежи государства Российского служилые татары защищали порой более ревностно, чем русские казаки и стрельцы⁹. Показательно, что в сибирской столице — Тобольске — служилыми татарами «ведал» соратник Ермака Черкас Александров, и в 1598 году они участвовали в походе, закончившемся окончательным разгромом Кучума. А во время «Смуты» начала XVII века татары находились в числе сибирских служилых, влившихся во Второе ополчение (Минина и Пожарского): их привёл в Ярославль «царевич» Араслан¹⁰. Конечно, далеко не все татары «Кучумова царства» готовы были сразу же сменить сюзерена и присягнуть русскому царю, но даже те из них, кто ушёл в степи с сыновьями и внуками сибирского хана, совершая оттуда набеги на российские владения, в конце концов, поняли бесперспективность и ненужность борьбы с Россией и стали переходить в её подданство.

Сибирские татары, не занятые военной службой, в массе своей тоже отнюдь не бедствовали, и в обеспечении землёй, как правило, находились в более выгодном положении, чем русские поселенцы, вынужденные вплоть до 1930-х годов арендовать у татарских соседей покосы и пастбища, или пользоваться этими угодьями

⁷Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 27, с. 241.

⁸«Родина». 1990. № 5, с. 75.

⁹См: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М., 1959, с. 65.

¹⁰«История СССР». 1988. № 3, с. 99.

по какому-нибудь «любовному договору»¹¹. О широком распространении такой практики я впервые узнал ещё в 1968 году, когда в этнографической экспедиции расспрашивал о «прежней жизни» стариков из деревень на берегах Тобола. А историк А.Л. Вычугжанин недавно нашёл в газете «Тифлисский листок» от 10 октября 1917 года любопытную заметку следующего содержания: «Среди татар Тобольской губернии в последнее время появилось крайне опасное течение под флагом “Давай царя”. Движение растёт, захватывая все больше и больше татарских селений. Татары Тобольской губ. в большинстве являются крупными земельными собственниками, за которыми земельные угодья закреплены жалованными царскими грамотами. Татары боятся, что новый строй отнимет у них земли...» (И ведь как в воду глядели: «социалистические преобразования сельского хозяйства» уравнивали занятых в нём татар с русскими, пусть и не совсем: татарским колхозникам, в отличие от русских, разрешалось иметь в личной собственности лошадей, и это стало одной из причин того, что на «мусульманскую» деревню коллективизация не оказала столь же пагубного влияния, как на деревню «русскую»).

* * *

Помнится, в 1968 году меня приятно удивил добрососедский характер отношений в Сибири между русскими и татарами; особенно впечатляли их рассказы о том, как они ездили друг к другу в гости — «чай пить». Сам же я встречей с сибирскими татарами был просто очарован — они оказались людьми на редкость приветливыми, радушными, доброжелательными, красивыми (особенно девушки) и совершенно свободными от комплексов по поводу событий, произошедших на их земле 400 лет назад (хотя и знали о них). Правда, общался я тогда исключительно с «сельскими тружениками», а вот от моего более позднего знакомства с представителями «национальной интеллигенции» впечатления оказались совсем другими. В июле 1991 года я участвовал в работе «Круглого стола», посвящённого обсуждению сценария фильма «Ермак» (режиссёров В.А. Краснопольского и В.И. Ускова). Позиция присутствовавших на этом мероприятии членов Ассоциации татар Тюменской области «Сыбыр» была крайне жёсткой и непродуктивной. Воспроизведя практически тот же набор «доводов», который ныне используют противники установки Поклонного креста, они требовали, чтобы Ермак был показан в фильме как однозначно отрицательный персонаж, вызывая у русских лишь чувство глубокой вины перед татарами за содеянное четыре столетия назад. Иные мнения, несмотря на всю их обоснованность, татарская сторона просто не воспринимала, и разгоревшаяся на «Круглом столе» дискуссия (в которой между делом зашла речь и о желании сибирских татар иметь в России «свою республику») оставила крайне неприятный осадок...

Складывается впечатление, что среди татарской интеллигенции сложилась весьма деятельная группа, которая одержима идеей во что бы то ни стало рассорить свой народ с русскими, и готова использовать для этого любой повод — будь то фильм, памятник или «национальные обиды» многовековой давности. Правда, у большинства сибирских татар усилия такого рода «активистов» отклика пока не находят, показателем чего, в частности, является частота татарских свадеб, проводимых на территории созданного А.Г. Елфимовым парка «Ермаково поле». Но эту «недоработку» в воспитании молодёжи противники установки Поклонного креста

¹¹ См.: *Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982, с. 71–72, 260.*

ста наверняка попытаются исправить, и одним из их следующих шагов, возможно, станут требования если и не снести парк со столь «неудобным» названием, то по крайней мере переименовать его...

В ситуации с Поклонным крестом у меня вызывает недоумение и позиция некоторых коллег. Так, доктор исторических наук Д.М. Исаков назвал инициаторов установки памятника «шовинистами». В чём же, интересно, уважаемый Дамир Мавляевеич усмотрел у них проявления шовинизма? Суть этой идеологии чётко определена толковыми словарями, и исходя из этих определений, позволительно спросить, где в высказываниях А.Г. Елфимова и его сторонников есть хоть какие-то признаки «враждебного отношения к другим нациям» или «проявления национальной исключительности и ненависти к другим народам»? Ведь даже намёков на подобное там не найти.

Неприятно удивила меня и З.А. Тычинских. Прежде всего тем, что, являясь автором добротного исследования о служилых татарах Сибири и, стало быть, прекрасно зная об их ревностном служении России, выступила против увековечивания памяти других её защитников — казаков Ермака. Ещё большее недоумение вызывает упрёк Тычинских Елфимову за стремление «возвести фигуру Ермака на самый-самый высокий пьедестал» и «создать вокруг него такой ореол сказочности, былинности». Неужели кандидат исторических наук Зайтуна Аптрашитовна Тычинских не знает, что такой «ореол» Ермаку давным-давно создан, и вовсе не Аркадием Григорьевичем Елфимовым, а русским народом. Ведь «покоритель Сибири» — один из самых любимых героев русского эпоса. Достаточно сказать, что большинство дошедших до нас исторических песен о событиях XVI века посвящено именно Ермаку¹². Изучению этого феномена посвящено немало работ историков и филологов, он даже является предметом диссертационных исследований¹³.

Известно множество народных песен, легенд, сказаний, где Ермак действительно выглядит сказочным, былинным богатырём. И причины того элементарны и не имеют никакого отношения к какому бы то ни было шовинизму (в чём нередко обвиняется русский народ): поход Ермака стал одним из завершающих эпизодов тяжелейшей, изнурительной борьбы Руси с наследием ордынского ига. После его свержения в 1480 году образовавшиеся на развалинах Золотой Орды «царства» (в числе которых был и «Сибирский юрт») ещё долго терзали Русь опустошительными набегами, сжигая сёла и города, уводя в рабство или убивая самым жестоким образом множество мирных жителей. О сожжении крымскими татарами Москвы в 1571 году уже упоминалось выше. В целом же о масштабах урона, наносимого стране «осколками» Золотой Орды, можно судить хотя бы по таким данным: в Казанском ханстве накануне его завоевания Иваном Грозным находилось не менее 100 тысяч русских полоняников, а сколько их к тому времени было продано в рабство на рынках Крыма, Средней Азии и Северной Африки — вообще не поддаётся исчислению. В Крым с территории Московского государства лишь за первую половину XVII века было угнано не менее 150–200 тысяч человек. Это огромные потери для страны, численность населения которой на период с середины XVI по середину XVII века составляла 6,5–7 миллионов человек.

Впечатляют и дошедшие до нас воспоминания современников. Вот что, напри-

¹²Исторические песни XIII–XVI веков. М.–Л., 1960, с. 504–554.

¹³См., например: Шубарина Л.В. Ермак и сибирский поход казаков в историческом сознании русского народа. Автореферат дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 1998.

мер, писал автор знаменитой «Казанской истории»: «И было тогда беды... от казанцев и черемисов больше, чем при Батые. Батый единожды Русскую землю прошел, как молнии стрела. Казанцы же не так губили Русь, никогда из земли русской не выходили: когда с царем своим, когда с воеводами воевали Русь и посекали, как сады, русских людей». А вот слова князя Андрея Курбского, не понаслышке знавшего проблемы с обороной южных и восточных рубежей Московского государства: «Безчисленными плененьми варварскими, ово от царя перекопского, ово от татар ногайских, сиречь заволских, а наипаче и горши всех от царя казанского... уже было все пусто за осмьнадесять миль до Московского места...»

Для защиты мирного населения от таких набегов правительство шло на беспрецедентные по масштабам и дороговизне меры: от польской границы до предгорий Урала была построена непрерывная цепь укреплений, состоящая из крепостей, валов, частоколов, надолб, засек. Вдоль этой «черты» (представлявшей собой по сути древо-земляной аналог Великой Китайской стены, прикрывавшей Поднебесную от вторжений из степи) были размещены внушительные военные силы, была до совершенства отлажена разведывательно-сторожевая служба, однако полностью пресечь вражеские вторжения эти меры так и не смогли. Покончить с исходящей от «осколков» Золотой Орды опасностью удавалось только после их включения в состав России. Поэтому нетрудно представить, какой отклик должна была получить в стране весть о том, что уже не «грозный царь», а какой-то казачий атаман разгромил ещё одно «татарское царство»!

На большей части российской территории реальная сторона событий, связанных с именем Ермака, вскоре забылась, но память о нём как великом ратоборце, народном заступнике и герое навеки осталась, воплощаясь даже в былинные образы — вплоть до превращения знаменитого атамана в соратника самого Ильи Муромца. Ни один из пошедших по проложенному Ермаком пути первопроходцев не был удостоен подобной чести и славы. Как заметил один из лучших знатоков русского фольклора Л.Н. Пушкарёв, «сам факт превращения казачьего атамана в русского богатыря следует рассматривать как феномен народного сознания, как оценку подвига исторического деятеля народом...»¹⁴

* * *

В обращениях «татарской общественности» в «инстанции» по поводу «восхваления Ермака» обычно красной нитью проходит мысль о необходимости уважительного отношения к национальным чувствам любого народа. Мысль, безусловно, верная. Вот только одна незадача: «подписантами» почему-то не учитывается то немаловажное обстоятельство, что их выпады против Ермака, основанные на незнании исторических фактов или их тенденциозной трактовке, тоже ведь могут оскорблять чьи-то национальные чувства. Тем более что речь в данном случае идёт об очернении не просто любимого героя народных преданий, а знаковой фигуры нашей истории, запечатлённой, кстати, в ряду её выдающихся деятелей на памятнике «Тысячелетие России».

С фигурой атамана Ермака связаны события глобальной для целого континента значимости. Они по достоинству оцениваются историками и уже давно своим высоким драматизмом привлекают внимание людей творческого склада, и в первую очередь — писателей. Перечень посвящённых Ермаку литературных произ-

¹⁴Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. 1. Новосибирск, 1981, с. 19.

ведений составил бы целую книгу, однако суть всех содержащихся в них высказываний о «покорителе Сибири» сводится к признанию того, что именно благодаря ему наша страна существует в своих нынешних пределах... «Словно брешь пробил Ермак в стене, сдерживавшей напор колоссальных, пробудившихся в народе сил», — писал Игорь Забелин. Николай Коняев называл Ермака человеком, «продвинувшим Русь в сибирские просторы». Широко разошлись и слова Валентина Распутина, заметившего, что именно благодаря Ермаку и его дружине Русь обрела Сибирь и «стала Россией». Неужели очернители образа Ермака, пытающиеся воспрепятствовать установке посвящённого ему Поклонного креста, не понимают, что своими действиями они оскорбляют память этих достойнейших людей?

Ситуация вокруг Поклонного креста не оставила равнодушным и нашего знаменитого путешественника Фёдора Конюхова. В своём письме главе Администрации Тобольска М.В. Афанасьеву он напоминает: «Ермак со товарищи положили начало присоединению Сибири к России, что на века стало залогом её могущества». А самую решительную позицию по этому вопросу занимают, конечно, казаки. В поддержку проекта А.Г. Елфимова уже поступили письма и обращения от 84 казачьих организаций России и зарубежья, воспринявших «наезды» на Ермака как вызов для всего казачества и проверку его сплочённости. «Сможем ли мы... отказаться от своих героев в угоду никчёмным личностям?.. Перепишем ли мы свою историю и историю России в угоду тем, кто повышает уровень межнациональной напряжённости в нашей стране?» — обращается к казакам А.В. Бредихин — кандидат исторических наук и советник атамана одного из казачьих союзов. И заключает: «Гранитному кресту в память об атамане Ермаке — быть!»

Как видим, обострение межнациональных отношений у нас уже происходит, но только вызвано оно не намерением установить Поклонный крест Ермаку, а теми выступлениями против него, которые организовали некоторые представители «татарской общественности», и если местная власть «прогнётся» под их давлением, то это только осложнит сложившуюся ситуацию...

* * *

В обсуждении «ермаковской» темы выявился ещё один нюанс: противники установки Поклонного креста любят подчёркивать, что они представляют *коренной* народ региона, и следовательно их голос в сложившейся ситуации должен иметь особую значимость и наибольший вес. Что ж, сибирские татары, действительно, являются коренными обитателями Северной Азии, однако на основной территории своего нынешнего расселения их предки обосновались только в XIV–XV веках, т.е. всего за столетие до прихода русских. Выходит, что пять веков проживания на одном месте дают на него какие-то особые права, а четыре — нет? Несерьёзно это...

Около 90% населения Сибири и 80% всей России составляют русские, и публичное проявление неуважения к «государствообразующему этносу» страны может иметь для неё самые пагубные последствия. Пренебрежение национальными интересами и чувствами русского народа у нас, конечно, имеет давние традиции. Проявляется оно и в открытом глумлении над отечественной историей. Пик его, как известно, пришёлся на 1920-е и середину 1930-х годов, время господства в нашей историографии «школы» М.Н. Покровского. Её сторонники, выдёргивая из общей канвы событий лишь «выгодные» им моменты (а то и вовсе не утруждая

себя поисками доказательств), в своих разоблачениях «царизма» более всего поливали грязью как раз полководцев, защищавших и расширявших границы государства Российского. Тогда же большевистские вожди называли русский народ «нацией обломовых», «великой только тем, как велик держиморда». Демьян Бедный высмеивал русских былинных богатырей. Комсомольский поэт Джек Алтаузен призывал расплавить памятник Минину и Пожарскому («Подумаешь, они спасли Расею! А может, лучше было б не спасать?»). И лишь когда «запахло жареным» ввиду приближения войны, власти опомнились и пошли на серьёзную корректировку идеологического курса. А 7 ноября 1941 года с трибуны мавзолея прозвучал призыв вдохновляться «мужественными образами наших великих предков», среди которых были упомянуты и Минин с Пожарским, и Дмитрий Донской, и Александр Невский, и Александр Суворов с Михаилом Кутузовым — те военачальники, в деяниях которых ещё совсем недавно историки-марксисты не усматривали ничего достойного подражания и уважения.

Тогда обошлось: за страну отчаянно сражались даже те представители «нации обломовых», у которых не было причин любить её власть: «пламенные интернационалисты» не успели вытравить чувство патриотизма из русского народа. Сейчас ситуация сложнее. На границах у нас опять «тучи ходят хмуро», однако «покровщина», вернувшись к нам в «лихие девяностые» (пусть и без теорий «торгового капитала» и «классовой борьбы»), вовсю процветает, не встречая никакого противодействия со стороны властей и принимая порой весьма изощрённые, но по-прежнему оскорбительные для русского народа формы. Такие, например, как борьба с памятниками его героям...

Проблемы национальной безопасности в наше время осложняются многими факторами, но особенно — тем, что противостояние держав всё чаще выливается не в реальные боестолкновения, а в раскалывающие общество информационные и гибридные войны. Надо ли доказывать, насколько в таких условиях важно для властей страны понимание настроений и чувств её «государствообразующего этноса»?